

© М.Г. ГАНОПОЛЬСКИЙ

Институт проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень)
gmichaelg@mail.ru

УДК 17.01

**ОТ УМЕСТНОСТИ К СВОЕВРЕМЕННОСТИ
(АЛГОРИТМ ЭВОЛЮЦИИ ЭТОСА)**

**UP FROM THE RELEVANCE TO THE TIMELINESS
(THE ALGORITHM OF ETHOS EVOLUTION)**

АННОТАЦИЯ. Уместность и своевременность, даже если они относятся к поступкам людей, не принято наделять акцентированным нравственным содержанием и тем более придавать им универсальное значение. Считается, что их нормативность не выходит за рамки этикета или же специфических требований отдельных профессий. Однако ритм современной жизни, ее техническая и технологическая насыщенность, взаимозависимость социальных ролей превращают людей в актеров огромного производственного конвейера, а в каком-то смысле — и в актеров грандиозной социальной драмы, где важно уже не столько классическое единство Места, Времени и Действия, сколько адресованное каждому требование: «Будь в нужное время в нужном месте, готовым к нужному делу»! Статья представляет собой попытку придать этому требованию смысл актуальной нравственной заповеди, прояснить логику подобной актуализации в контексте эволюции этоса от **праморали** (античная форма) к **протоморали** (современная форма). Уместность и своевременность рассматриваются как контрапункты такой эволюции.

SUMMARY. The notions of relevance and timeliness, even if referred to people's behavior, are not commonly thought as having the accentuated ethical content and, more than that, they are not considered universally important. Their regularity is considered to be within the framework of etiquette or special professional needs. However, the tempo of modern life, its technical and technological intensity as well as the interdependence of social roles transform people into actors of a giant production line. In a way, they also become actors of an enormous social drama, where the importance of the classical triad of Place, Time and Action is not as essential as the addressed to everybody claim "Bring yourself in the needed time into the needed place, ready for needed behavior!" In the article an attempt is made to give this claim the meaning of a timely ethical rule, to clarify the logics of the stated actualization in the context of ethos evolution up from **pra-moral** (ancient form) to **proto-moral** (modern form). Relevance and timeliness are considered to be counterpoints of such evolution.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Этос, доказательство, алгоритм, индустриальное общество.

KEY WORDS. Ethos, proof, algorithm, industrial society.

Античный этос не был строго очерченным термином и охватывал целую гамму нравственно-эстетических и нравственно-психологических проявлений. А задолго до того как обрести пусть и размытый, но все же терминологический статус, слово *этос* означало логово зверя, птичье гнездо, затем — дом, место-пребывание, совместное жилище, и только впоследствии — обычай, темперамент, характер, нрав. Иногда такой вариант этимологии оспаривается, но несомненно другое: в формировании духовно-практического комплекса античной культуры доминирующую роль сыграло общностное, поселенческое начало. Иными словами, создался этот комплекс преимущественно “по месту жительства” (на основе совместности и уместности).

Как известно, Аристотель образовал от существительного *этос* прилагательное *этический*, а для обозначения совокупности этических качеств как особой предметной области знания ввел термин *этика*. Удачный неологизм сделал свое дело. Этос постепенно утратил свою непосредственную значимость, произошла переакцентировка его содержания: на смену этосу места пришла этика поведения и действия, пусть и не всегда в явном виде.

В сложном комплексе проявлений, которыми богат этос в эпоху античной классики, обращает на себя внимание «своеобразное переплетение этики и логики, где логика служит организующим началом» [1; 59]. Данный тезис позволяет обосновать последующую трансформацию этоса как результат усиления логического начала. Произошло это благодаря соединению математики с логикой, то есть появлению особой доказательной математики и ее дальнейшему развитию. Считается, что совершил это Фалес (или же кто-то из его современников), впервые доказавший теорему о равнобедренном треугольнике. К этому моменту обращается И. Кант в своих размышлениях о «странной судьбе разума» на пути его самопознания, именно о нем говорит как о «революции в способе мышления», как о «научной революции».

Подчеркивая неоднократно, что логика сравнительно рано пошла «верным путем науки», поскольку в ней «разум имеет дело с самим собой», Кант указывает на перемену в способе математического мышления, благодаря которой математика вслед за логикой ступила на верный путь науки, вернее, создала себе этот царский путь, проложив необходимое направление «на все времена и в бесконечную даль» [2; 15].

Значение для математики и всей античной культуры теоремы о равнобедренном треугольнике состояло вовсе не в обнаружении факта равенства углов при его основании, поскольку этот факт был известен в Древнем Египте задолго до Фалеса. Фалес впервые *доказал* это свойство. Поворотной стала именно процедура *доказательства*, известная теперь каждому школьнику, но поразившая воображение греческих мудрецов. Соединение математики с логикой привело к тому, что логическое начало этоса, присвоив искусственно сконструированные идеальные объекты (числа, фигуры, тела), обрело область самостоятельного внеэтосного развертывания. Возникшая *культура доказательства* бросила вызов незыблемости традиции и ее безраздельному господству в сфере нравственности. Нравственная составляющая этоса стала нуждаться и в рациональном обосновании.

В данной “революционной ситуации” хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, как ни велика заслуга Фалеса, задавшего мощный импульс развитию античной рациональности, почва для такого рода революции была уже подготовлена. По сути дела, математическое доказательство родилось как перенесение доказательственного дискурса из области античного права в сферу абстрактных математических объектов [3].

Во-вторых, доказательство как строгая последовательность логических выводов стало прообразом процедурности, процессуальности.

В-третьих, зарождавшаяся этика в силу целого ряда обстоятельств сосредоточилась не на теории этоса, а на проблематике нравственно совершенной личности.

Указанные обстоятельства не рядоположены — первое генетически обусловило два последующих. По меткому замечанию В.Ф. Турчина, при общественном строе Древнего Египта *доказательство* и не могло возникнуть: старшие не считали нужным доказывать что-то младшим, а младшие не смели требовать от старших доказательств [4; 47]. Это дополнительный штрих к тому, что зачатки будущей рациональности достаточно глубоко укоренены в образе жизни свободнорожденных жителей античного полиса, в специфике античной культуры, в особенностях мифологии, откуда, постепенно освобождаясь от магии, они пришли в научное и философское сознание. Давно замечено, что древнегреческая цивилизация изначально технична, проектна и одновременно политична. “Рациональная революция” дополнительно вооружила ее силой научного знания. Может быть, поэтому *проект* и *утопия*, *техника* и *организация*, *игра* и *политика*, будучи исконными гранями античной культуры, при ретроспективном взгляде стали восприниматься как атрибуты эволюционирующего этоса.

Через сто лет после Канта Макс Вебер задается аналогичным вопросом: «какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались... в направлении, получившем универсальное значение» [5; 92]. Вебер находит ответ в уникальном совпадении целого ряда моментов, каждый из которых нес в себе рациональное начало. Это рациональная античная наука, сформировавшаяся на основе *доказательной* математики, рациональная теория права, рационально “исчисленное” искусство (прежде всего музыкальное и монументальное), рациональная экспериментальная наука Нового времени, основанная на машинной технике рациональная технология, рациональный способ ведения хозяйства. Венцом этого объединения выступает у Вебера протестантизм с его рациональной трудовой этикой, возведшей успех в ранг религиозного призвания. Все это обусловило возникновение специфического общества-производства, существенной чертой которого становится *формальная рациональная организация формально свободного труда* [5; 44-57]. «В результате в Европе впервые возник новый, прежде никогда не существовавший и потому не имеющий аналогов в истории тип общества, который современные социологи называют индустриальным» [6; 76].

Действительно, становление европейской рациональности обнаруживает повсеместное проявление процессуальности. Она прочитывается в христианской трактовке акта божественного творения. Ею пронизана нравственная атрибутика личного спасения. По сути дела, на данном этапе человек обретает биографию (в виде игры по правилам христианской морали), а человечество — исто-

рию. Но история не является для этоса внешним процессом, а в какой-то степени подготовлена его собственной трансформацией. В этот период, может быть, еще не совсем явно, понятие этоса получает дополнительную смысловую нагрузку (инварианта, а в каком-то смысле — культурного кода).

Обратимся теперь к третьему из отмеченных выше обстоятельств. Поскольку научная этика стала персонцентричной, сосредоточенной на нравственных исканиях и моральном самоопределении индивида, поселенческий (общностный) фактор был лишен теоретического обоснования и долгое время оставался на периферии этического знания. Место жизни людей (в географическом смысле) стало замещаться социальным местом.

В этом можно увидеть истоки будущей корпоративности — отличительной черты нравственной жизни индустриальных обществ. Ведь корпоративность порождена дискретностью общества, то есть появлением дискретного индивида — *хозяина своего тела и своего дела* (в более поздних моделях социума он представлен как *тело*, которому присущ “вектор дела” — *интерес*). Отсюда и возникновение особого типа социальности, формирующейся методами социальной сборки, вытесняющей и замещающей вековые традиции кровнородственных связей и отношений личной зависимости. То есть основой социальности становятся не органические связи традиционного общества, а формальные (технические) способы организационного сцепления. На этом и вырастают корпорации. В сфере общественной нравственности они доделывают работу, изначально санкционированную нравственным обособлением индивида. Понятно, что индустриальная корпорация и индустриальный этос не только взаимно репрезентируют друг друга, но являются динамическими составляющими единого процесса, начало которому положено в античности.

Формулируя предпосылки эволюции этоса и намечая направления его разветвления от *первой теоремы* до *индустриальной организации*, нелишне специально подчеркнуть родство этих феноменов. Действительно, если сравнить структуру теоремы (от *Дано* до *Требуется доказать*) со структурой индустриального производства (от сырья, материалов, энергии, рабочей силы — до склада готовой продукции), то очевидно, что в топологическом отношении они изоморфны. Аналогом логической цепочки умозаключений, составляющих процедуру доказательства, в материально-вещественном производстве выступает переработка исходных компонентов в готовый продукт через последовательность взаимосвязанных операций — так называемая технологическая цепочка.

Характерно, что Кант, обращаясь к великому открытию Фалеса, видит в нем не столько топикку логических взаимосвязей, сколько проективную, планомерную и в этом смысле последовательную работу разума. «Свет открылся тому, кто впервые доказал теорему о *равнобедренном треугольнике* (безразлично, был ли это Фалес или кто-то другой); он понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь ее понятии, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам *a priori*, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения)» [2; 16].

По сути дела, Кант характеризует тот образ мысли и действия, который в современной логике привычно связывается с понятием *алгоритма*. Именно алгоритмизацией мышления подготовлен тот царский путь, который математи-

ка, а вместе с ней расколдованная культура проложили, по словам Канта, «на все времена и в бесконечную даль». Алгоритм, еще не обретший своего нынешнего названия, разорвал цикличность античного времени, извлек мораль из этоса, придав ей мощный темпоральный импульс.

Подготовку технологических цепочек будущих индустриальных производств, как, впрочем, и технологию получения нового знания, можно усмотреть и в схоластических приемах решения вечных вопросов бытия человека и сущности вещей. В этот период оформляется дискурсивная текстовая культура, в которой алгоритм ремесла ткача и алгоритм мышления по правилам грамматики топологически изоморфны. Апофеозом такого развития явилась рациональная организация индустриального типа. Можно сказать, что индустриализм был осуществлен европейской цивилизацией на основе рациональной программы, заключенной в расщепленном ядре античного этоса.

Но прежде чем открытие Фалеса проявило себя в таком индустриальном качестве, оно должно было пройти через целую серию переоткрытий (своеобразных инкарнаций). О некоторых из них уже сказано выше, но решающий поворот в этом направлении был сделан благодаря усилиям Рене Декарта и Фрэнсиса Бэкона.

В «Правилах для руководства ума», а затем в «Рассуждении о методе» Декарт достаточно определенно логику геометрических доказательств и построений переносит на процесс познания. Формулируя свои знаменитые четыре правила, которые должны служить не столько «для объяснения того, что нам известно», сколько для созидательного познания [7; 260] он замечает: «Те длинные цепи выводов, сплошь простых и легких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы дойти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, которые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же последовательности» [7; 261]. Но то, что Декарт говорит о вещи как предмете знания, легко может быть перенесено на предмет проектирования, а затем производства. Собственно говоря, таким эскизным проектом индустриализации можно считать цитируемое произведение.

Требовалось только усилие, чтобы направить вектор рационального знания на цели преобразования природы. Как известно, это было сделано современником Декарта Фрэнсисом Бэконом. Именно таким образом можно интерпретировать смысл провозглашенного им девиза «Знание — сила!». Храм был превращен в лабораторию, а затем и в мастерскую: алгоритм творения, а затем познания природы трансформировался в алгоритм ее преобразования, в технологию промышленного производства вещного мира.

Просветители, обратившие вектор знания на природу самого человека, мыслили воспитание всемогущим фактором его переделки и тем самым закладывали основы педагогики как науки технической и технологической. Да и сам Кант, которому принадлежит приоритет в обнаружении истоков, поворотных моментов, точек ветвления потока «расколдовывания» культуры, не только совершил философскую революцию, но и, по свидетельству философов XX в., осветил переход цивилизации на новые рельсы [8; 308-318].

Впрочем, и до Канта и после него взаимобратимость логики и технологии многократно переоткрывалась. Так, Ньютон, оперируя выражением *механиче-*

ская философия, полагал, что «сможет выводить все явления логически из принципов механики» и что понятие *механика* ошибочно замыкается на изделиях человеческих рук, в то время как ее предназначение в «дедуцировании движения планет, комет, луны и моря» (цит. по: [9; 11-12]). Наследницей *механической философии* стала *философия производства* Эндрю Юра, сформулированная им под прямым влиянием работ английского математика Чарльза Бэббиджа — изобретателя первой программируемой вычислительной машины. Его алгоритмический взгляд, обращенный на изучение производственных предприятий сначала в Англии, а затем и в континентальной Европе, позволил сформулировать общие принципы расчленения производства на отдельные фазы, этапы, операции и последующего соединения их в непрерывный технологический процесс оптимальным образом. Как известно, Бэббидж явился теоретическим предшественником Ф.У. Тейлора, считающегося пионером научной организации труда на этапе индустриализации. Пример сравнительно недавнего переоткрытия — *сетевой график* — пооперационная модель производственного процесса [10; 516-543]. Удивительно, что произошло это, когда написание блок-схемы вычислительного алгоритма стало привычным и даже обязательным элементом программирования, да и профессия программиста была уже достаточно массовой.

Собственно говоря, сетевой график можно рассматривать как модель того огромного разветвленного социального конвейера, о котором шла речь в самом начале. Когда каждый живет по своему расписанию, занят своим делом, движется по своему маршруту, но определенные узловые точки этих расписаний, дел и маршрутов взаимно обуславливают друг друга. Состояние *ответственной зависимости* современного общества приводит к тому, что, казалось бы, чисто операциональный смысл заповеди «Будь в нужное время в нужном месте, готовым к нужному делу» действительно приобретает нравственное звучание. А обязательность, уместность и своевременность становятся естественными ориентирами бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальченко В.В. Этос в «Риторике» Аристотеля // Вестник древней истории. 1984. № 2.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
3. Черемных Л.Г., Ганопольский М.Г. Диалог математики и права в контексте рационализации культуры. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2011. 100 с.
4. Турчин В.Ф. Феномен науки: кибернетический подход к эволюции. М.: Наука, 1993. 295 с.
5. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
6. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. М.: Политиздат, 1991. 366 с.
7. Декарт Р. Соч. в 2 тт. Т.1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
8. Эрн В.Ф. От Канта к Круппу / Сочинения. М.: Правда, 1991. 576 с.
9. Митчем К. Что такое философия техники? М.: Аспект Пресс, 1995. 149 с.
10. Вентцель Е.С. Исследование операций. М.: Советское радио, 1972. 552 с.

REFERENCES

1. Val'chenko, V.V. Ethos in the rhetoric of Aristotle. *Vestnik drevnei istorii — Herald of Ancient History*. 1984. № 2. (in Russian)
2. Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow, 1994. 591 p. (in Russian).
3. Cheremnykh, L.G., Ganopol'skii, M.G. *Dialog matematiki i prava v kontekste ratsionalizatsii kul'tury* [The dialogue of mathematics and law in the context of rationalization of culture]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2011. 100 p. (in Russian).
4. Turchin, V.F. *Fenomen nauki: kiberneticheskii podkhod k evoliutsii* [The phenomenon of science: a cybernetic approach to evolution], Moscow: Nauka, 1993. 295 p. (in Russian).
5. Weber, M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow, 1990. 804 p. (in Russian)
6. Gaidenko, P.P., Davydov, Iu.N. *Istoriia i ratsional'nost'* [History and rationality]. Moscow, 1991. 366 p. (in Russian).
7. Descartes, R. *Soch. v 2 tt. T. 1* [A collection of works. In 2 Vol. Vol. 1]. Moscow, 1989. 654 p. (in Russian).
8. Erne, V.F. From Kant to Krupp / In: *Sochineniia* [Works]. Moscow, 1991. 576 p. (in Russian).
9. Mitchem, C. *Chto takoe filosofiiia tekhniki?* [What is the philosophy of technology?]. Moscow, 1995. 149 p. (in Russian).
10. Wentzel, E.S. *Issledovanie operatsii* [Research on operations]. Moscow, 1972. 552 p. (in Russian).

Автор публикации

Ганопольский Михаил Григорьевич — главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень), доктор философских наук, профессор

Author of the publication

Mikhael G. Ganopolsky — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Leading Researcher, Institute of Problems Development of the North, Russian Academy of Sciences (Siberian branch, Tyumen)